

МАИЯ ЛАСКОВАЯ

ДНЕВНИК КАТАСТРОФ,

или
Хроники выживания
оптимистки

КИБЕР
КУРИЦА
СУДЬБЫ

РЕКЛАМНОЕ
АГЕНТСТВО

- ☑ Офисный абсурд
- ☑ Театр абсурда
- ☑ Сосед-конспиролог
- ☑ Выживание и оптимизм 😊

АЛЬФА
ЦЕНТАВРА

АЛЬФА
ЦЕНТАВРА
СЛЕДИТ
ЗА ТОБОЙ!

ВСЁ
БУДЕТ...
КАТАСТРОФА,
НО Я
СПРАВЛЮСЬ!

КОФЕ
МОЙ
ПСИХОЛОГ

НЕ СХОДИ
С УМА.
ЭТО ЛОВУШКА.

УЛЫБАЙСЯ.
БЕГИ.
ПИШИ
ДНЕВНИК

ХУЖЕ УЖЕ
НЕ БУДЕТ.
А, НЕТ...
БУДЕТ. ☹️

- ПЛАН:
1. Выжить
 2. Не сойти с ума
 3. Оптимизм не терять

ПРОДВИНЕМ
КИБЕРКУРИЦУ-
СПАСЕМ МИР!

ИДЕЯ!

Сатира Гротеск Театр абсурда. Жизнь.

Майя Ласковая
Дневник катастроф,
или Хроники
ВЫЖИВАНИЯ ОПТИМИСТКИ

<https://litres.ru/74026744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твоя жизнь превратилась в театр абсурда: в безумном офисе шеф бредит киберкурицами, конспиролог превратил подъезд в филиал сумасшедшего дома, налоговая угрожающе дышит в лицо, а в народном театре на голову падают грабли? «Дневник катастроф» — это уморительные хроники выживания оптимистки в мире, где здравый смысл давно ушел на пенсию.

Майя Ласковая

Дневник катастроф,

или Хроники

ВЫЖИВАНИЯ ОПТИМИСТКИ

Глава 1

ДНЕВНИК КАТАСТРОФ,
или
Хроники выживания оптимистки

(жанр: юмор, гротеск, абсурд, самоироничный стор)

Пролог
В эпицентре чужого безумия

Я долго и мучительно размышляла, за какие именно грехи вселенная выбрала меня полигоном для испытания человеческой глупости. Потом думать перестала — заболели извилины — и просто взяла ручку, поскольку память — дама капризная, в отличие от офисных тиранов, театрального бума, бродячих психов и доморощенных конспирологов. Эти

как раз обладают пугающей привычкой всегда возвращаться на место преступления.

Моя жизнь напоминает затянувшийся бенефис в театре абсурда, где режиссёр явно перепутал жанры и ставит драму пополам с цирком, а мне выдали главную роль без права на суфлёра. Если однажды меня всё-таки увезут в тихую обитель с мягкими стенами, пусть этот дневник послужит официальным заявлением в Гаагский трибунал. Или хотя бы поможет следствию восстановить хронологию моих ежедневных катастроф. Дневник для меня — единственный бесплатный анальгетик от окружающей действительности. Итак, занавес открывается, господа. Не поминайте лихом. Но для начала давайте знакомиться.

Я Майя. Если вы откроете любой эзотерический справочник по женским именам, то прочтёте, что Майя — это «богиня весны, несущая миру гармонию и процветание». Как бы не так! Авторы этих книг явно ошиблись, потому что со мной не знакомы. В моём понимании «гармония» — это способность не зацепиться колготками за единственный торчащий гвоздь в радиусе пяти километров. А «процветание» — умение элегантно не сойти с ума посреди рабочей недели, не испортив макияж.

Верить в то, что написано ниже, или считать это художе-

ственным вымыслом — личное дело каждого. Мой внутренний адвокат настоятельно рекомендует заявить, что все совпадения случайны. Но, честное слово, у меня просто не хватило бы фантазии выдумать этот паноптикум. Жизнь — гораздо более изобретательный и циничный сценарист, чем я. В свои тридцать с хвостиком я внезапно обнаружила, что вселенная выдаёт мне приключения такими порциями, будто я круглосуточно нахожусь на кастинге в остросюжетное кино. Вместо лимонов для лимонада она подбрасывает мне исключительно грабли. Причём прилетают они аккурат по моему здравому смыслу, который уже давно сидит на чемоданах и умоляет о политическом убежище в какой-нибудь более спокойной голове.

Моя память бережно хранит офисную шизофрению, дворовую конспирологию, театральные катастрофы и ещё целый склад жизненного абсурда. Когда его концентрация вокруг превысила все допустимые нормы, я поняла: либо я начну это записывать, либо меня начнут принудительно лечить. Вот так и родился этот дневник...

Начать хроники своего личного апокалипсиса я обязана с рабочего места. Коллектив, в котором я тружусь — это не просто коллеги, это передвижной цирк-шапито, откуда дрессировщики давно сбежали, а бухгалтерию и факс захватили клоуны. Во главе этого паноптикума стоит Шеф — человек, чей интеллект сияет столь ярко, что начисто выжигает логи-

ку у всех окружающих. Именно его авторству и принадлежит то, что я теперь уважительно именую «Фразой века».

Глава первая

Фраза века, или Прощай, кросс

Офисное утро не обещало никаких потрясений. Коллектив откровенно скучал и лениво переглядывался. Марина в углу заботливо обновляла маникюр, Митя медитировал на пустую кружку. Таня гадала Маше на кофейной гуще, а Надя самозабвенно подыскивала тур на Канары. Вдруг в комнату проскользнул Сашка. На его лице отчётливо читались смущение, сумбур и лёгкий экзистенциальный кризис — верные признаки того, что он только что покинул кабинет босса.

— Что он сказал? — меланхолично спросила я, не отрываясь от монитора.

— Он выдал монументальный креатив, — ответил Сашка, трагически поперхнувшись остывшим чаем.

— Прямо-таки монументальный? — я демонстративно прикрыла крышку ноутбука, спасая технику от Сашкиных эмоций.

— Абсолютно! — Сашка заговорщически понизил голос. — Это было монументально.

Представляешь, шеф сегодня поднялся в четыре утра, провёл экстренную медитацию на привлечение космического вдохновения, и в момент ментального просветления запи-

сал в блокноте гениальную фразу:

«Бренд — это метафизическое яйцо, несущееся в киберкурицу потребительского выбора».

Он сделал паузу, давая нам проникнуться величиим момента.

— Представляешь? — прошептал он. — А главным свидетелем сего открытия стал его кот Витязь, которого шеф осчастливил троекратным поглаживанием по оголившимся чакрам.

Офис на секунду замер отвлёкшись от важных утренних дел, а затем дружно прыснул, едва не умерев со смеху. Таня взглядевшись в кофейную гущу чашки тут же узрела срочные тектонические сдвиги в нашем отделе. Моя меланхолия мгновенно капитулировала перед гомерическим хохотом коллег. Но это было только начало. Начальник, выдав сей лингвистический шедевр, обессиленно провалился в кресло и замолчал на три дня. Весь отдел маркетинга трое суток передвигался по коридорам на цыпочках и общался исключительно жестами. Мы мучительно выбирали между тремя вариантами: нанять шефу психотерапевта, вызвать неотложку или срочно менять профессию, пока киберкурицы окончательно не захватили территорию.

На исходе третьих суток начальник наконец вышел из глу-

бокого транса. Он покинул кабинет и, величественно подняв указательный палец к потолку, провозгласил замогильным голосом:

— Я чувствую... всем своим естеством, — он на секунду закатил глаза, будто сверяясь с космическим сервером, — эту информацию надо вывесить на огромном баннере. Над федеральным шоссе! Над всей страной!

Сашка испуганно икнул, явно представив, как под этим плакатом массово улетают в кюветы перегруженные фуры, чьи водители пытаются постичь суть киберкурицы. Я вернула лицу каменное выражение и меланхолично резюмировала:

— Предлагаю вместо баннера вывесить на шоссе самого шефа. Пусть лично транслирует космосу свои метафизические озарения.

Сашка уполз к себе переваривать очередной шедевр корпоративной мысли, а я поняла: если срочно не принять меры, это метафизическое яйцо вылупится прямо в моей голове.

Мозгу требовалась экстренная эвакуация из офисного чистилища. Спасаться от абсурда я решила радикальным и, как мне казалось, здоровым способом — бегом. Спорт ведь лечит, не правда ли? О, как жестоко я ошибалась. Злая сила, курирующая мои личные катастрофы, уже поджидала дома в прихожей, замаскировавшись под пару верных кроссовок. Я натянула их, вышла на дистанцию и сделала первый шаг...

навстречу трагедии. Как оказалось, это был мой последний кросс.

Всё начиналось вызывающе позитивно. Вечер обещал сокрушительный триумф здорового образа жизни над офисным маразмом. Я вышла на парковую дорожку, вдохнула майский воздух и почувствовала себя если не олимпийской чемпионкой, то как минимум женщиной, которая крепко взяла судьбу за рога. Багровое солнце заката ласково целилось мне в правый глаз, а верные кроссовки предвкушали победу над калориями. Я торжественно врубила в наушниках бодрый трек, красиво побежала и даже успела с грацией испуганной лани преодолеть первые десять метров. Ровно на одиннадцатом вселенная напомнила мне, что я слишком расслабилась, и нанесла коварный удар снизу. Моя наивная мантра «жизнь прекрасна» с треском разбилась о суровую реальность паркового асфальта. Раздался характерный, ни с чем не сравнимый звук сдающейся ткани, и зловеще хрустнуло в районе подошвы. День мгновенно перестал быть томным, а надоедливые птицы оглушительно заливались, мешая мне страдать. В кармане суетливо зазвонил телефон, предвещая новые неприятности. Он вибрировал с упорством параноидальной старушки на скамейке у подъезда, которая караулит и въедливо допрашивает: «А чего это мы босиком возвращаемся? Никак улики прячем, в пакете».

В реальности приколы сыпались на меня, как из прохудив-

шегоя мешка, а я, как всегда, оказывалась в самом эпицентре катастроф и собственных эмоциональных срывов. Поэтому я ругалась, как сапожник в темноте, которому на ногу одновременно уронили чугунный утюг и годовой отчёт по ЖКХ. И пока кто-то строил грандиозные планы на будущее, я, балансируя посреди парка на одной ноге, вдохновенно сочиняла некролог своим кроссовкам. Тем самым, что были немymi свидетелями моих главных побед, пробежек, нервных потрясений и того самого случайного свидания на остановке с интеллигентом в помятом шарфе и с дырявым карманом, когда весь наш пир состоял из пластикового стаканчика кофе и баранки. Кроссовки не просто порвались. Они погибали. Героически, в заведомо неравной схватке с километрами, провинциальными бордюрами и самой жизнью. Покойтесь с миром, мои резиновые братья. Ваш последний путь официально пройден. А я пошла за шлёпанцами.